

В Тбилиси я впервые попала в декабре 2013-го и сразу влюбилась в этот город. Спустя два месяца я вернулась, чтобы снова окунуться в его потрясающую атмосферу и начать писать эту книгу...

P. S. Все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

Пролог

Наши дни...

Витрина книжного магазина на Старом Арбате была отлично оформлена и грамотно подсвечена. Она так и притягивала взгляд. Даже те, кто просто проходил мимо, приостанавливались возле нее, чтобы взглянуть на выставленные в ней книги. Но эти люди не задерживались у витрины дольше минуты — шли дальше. В отличие от Зураба Ристави. Он стоял возле нее уже полчаса. А все потому, что за стеклом среди прочих книг находился и его роман «Дневник монстра», вышедший два года назад в Грузии и вот теперь изданный в России.

Зураб сожалел о том, что магазин закрыт, иначе он зашел бы. Во-первых, для того, чтобы приобрести экземпляр своего романа, а во-вторых, передать комплимент дизайнеру. Поработал он на славу. Все книги по-разному подал. Например, томик с классическими новеллами французских авторов поставил на пюпитр. «Покет» с любовным романом прислонил к винтажному зеркалу в золоченой раме. Между страниц криминального чтения сунул кинжал, а острие его вогнал в деревяшку, и получилась оригинальная подставка. А вот книга Зураба оказалась заключенной в клетку. Когда-то там жил безобидный хомячок или попугайчик, но теперь в нее,

поржавевшую, чуть деформированную, был заключен... «монстр»!

Вынув из кармана телефон, Зураб сделал несколько фотографий на память. Пора было идти. Он и так задержался. А его, между прочим, ждут.

Зураб бросил прощальный взгляд на витрину и чуть не вскрикнул. В стекле отражалось лицо человека, которого он когда-то сам похоронил. Собственными руками вырыл ему могилу, сбросил туда тело и закидал землей...

Монстры не возвращаются!

Или?

Зураб резко обернулся. Он ожидал увидеть за своей спиной единственного человека, который вызывал в нем ужас, но...

Тротуар был пуст. Ни души. Впереди и сзади люди. А за спиной никогошеньки.

Померещилось!

Зураб облегченно выдохнул и продолжил путь.

Часть первая

Глава 1

Три года назад...

Он стоял у окна и пил виски. Глотки делал мелкие, частые. И всякий раз, когда подносил стакан ко рту, кубики льда на дне позвякивали. Этот звук умиротворял. Как и тридцатилетней выдержки скотч. Как и вид из окна...

Ночной Тбилиси завораживал. Набережная Куры, громада церкви Самеба, статуя матери Грузии на горе Мтацминда, крепость Нарикала — все это светилось и будто парило в воздухе. А вокруг этих «планет» сверкали мириады огней-звездочек: фонарей, окон, витрин...

Целая Вселенная!

Пожалуй, все крупные города выглядели примерно так же. Но Тбилиси был не просто столицей Грузии и туристическим центром страны. Тбилиси был городом, в котором он родился и вырос...

То есть центром ЕГО Вселенной.

Давид сделал еще один глоток и отставил стакан. Крепкий алкоголь зажег желудок, в котором с утра ничего не было. Нужно поесть.

Он подошел к шифоньеру, распахнул дверцы, взял с полки свитер и джинсы и стал одеваться. Конечно, можно заказать ужин в номер, но Давиду хотелось посидеть в ресторане, послушать грузинские песни и разговоры посетителей. Он так отвык от этого за годы жизни в России.

Одевшись, он посмотрел в зеркало. Выглядит, как всегда, безупречно. Подтянутая фигура, волнистые черные волосы, посеребренные сединой, трехдневная щетина на волевом подбородке, ровный загар — все работает на имидж идеального самца. Давид не старался его поддерживать. Получалось как-то само собой. Спортом он занимался от случая к случаю, стригся раз в месяц, но волосы были послушными и хорошо лежали, а бриться каждый день ему просто-напросто было лень. Что же касается загара, то его смуглая кожа быстро им покрывалась. Давиду удивительно повезло с фактурой. Он умудрялся прекрасно выглядеть, не прилагая к этому никаких усилий. Сейчас, например, у него даже глаза не красные. Хотя он спал от силы четыре часа за эти сутки.

Давид спустился на лифте в фойе. Хорошенькая администраторша лучезарно ему улыбнулась. В улыбке ее было больше женского кокетства, чем профессиональной вежливости.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — обратилась к нему она.

— Нет, спасибо, — ответил он.

— Может, вызвать машину?

— Я прогуляюсь...

И он покинул отель.

Он не стал селиться в «Марриотте» и «Редисоне», как делали люди его достатка. Центрального проспекта Руставели тоже избежал. Выбрал частную гостиницу в старом городе. Снял пентхаус с видом на город. Благодаря тому, что отель стоял на возвышении, а остальные дома были гораздо ниже, вид из окон открывался удивительный. Это стало решающим при выборе места проживания на время пребывания в Тбилиси.

Давид не спеша спустился по узкой улочке к ресторану, где подавали когда-то лучшие в городе хачапури по-аджарски. Сейчас же, как он понял, заведение было рас-

считано на туристов. С террасы доносилась в основном английская и русская речь. Значит, хачапури тут уже не те. Давид развернулся и зашагал прочь от ресторана.

Тбилиси сильно изменился с тех пор, как он был в нем последний раз. Грузины все, как один, ругали своего президента, но надо отдать ему должное, город он привел в порядок. По крайней мере, туристическую часть. Гулять по ней было приятно. Давид дошел до серных бань, сел на лавочку в сквере. Есть по-прежнему хотелось, но он не знал, какой ресторан посетить, чтобы не разочароваться в кухне. Он так скучал по настоящим хинкали, хачапури, чахохбили. Во многих странах бывал в грузинских ресторанах, но ни разу блюда не удовлетворили его. Почему? Вроде и повара искусные, и рецептура соблюдена, и продукты свежайшие, и специи те, что надо, но не то... Вода не та? Воздух? Энергетика? Что?

— Такси не желаете? — обратился к Давиду по-английски пожилой мужичок. Принял за обычного туриста.

— Отвези меня в хороший ресторан, — попросил Давид по-грузински.

— В какой желаешь, дорогой? У нас сейчас много всяких открылось. Даже японские есть.

— В грузинский. Где готовят нежнейшие хачапури и самые сочные хинкали. Где поют душевные народные песни и танцуют заводные танцы. Где домашнее вино черно и терпко... — В Грузии красное вино называли черным, и Давид сейчас об этом вспомнил.

— Есть такое место! — восторженно воскликнул таксист. — Харчо там такое, что я плачу от счастья, когда кушаю.

У Давида сразу слюнки потекли. Супа он тоже хотел. А еще пхали. Это холодное блюдо, сформированное в форме котлеток из вареных овощей (сельдерея, моркови или свеклы), зелени и орехов, было не так известно за

пределами Грузии, как то же харчо, но Давид обожал его. В детстве оно было постоянно на их семейном столе.

— Отвези меня в тот ресторан. И подожди. Если еда там такая, как ты говоришь, заплачу тебе втрое больше.

Тот закивал и бросился к своему старому «Опелю». До ресторана, рекламируемого таксистом, ехали минут пятнадцать. Все из-за пробок, которые были хоть и не такими, как в Москве, но все равно довольно плотными. Когда добрались, Давид отметил, что здание новое. Такого он не помнил, хотя район знал неплохо.

Он зашел в заведение, занял столик. На сцене пел пожилой мужчина в национальном костюме, подыгрывая себе на пандури. Давид слышал в детстве исполняемую им балладу. Она ему нравилась.

Он заказал кучу блюд. Понимал, что не съест и трети, но хотелось полакомиться всем. Если в этом ресторане и вправду хорошо готовят, он будет питаться тут все дни пребывания в Тбилиси.

Первыми принесли пхали, усыпанные зернышками граната. И кукурузные лепешки. Пхали. Давид попробовал и зажмурился... Как мамины!

Остальные блюда тоже были на высоте. Как и вино. Давид выпил три фужера и перепробовал всё. Вышел из ресторана с полным животом. Таксист ждал его.

— И как? — спросил он, когда Давид угнездилился на сиденье.

— Не обманул.

Тот расплылся в улыбке.

— Куда едем?

Давид хотел назвать адрес своего отеля, но передумал...

— Отвези меня в Сололаки.

— А что там?

— Жил я там.

— Так ты тбилисец?

— Да. До восемнадцати лет тут прожил.

— А я тебя за итальянца принял...

Он был не первым, кто увидел в стопроцентном грузине Давиде итальянца. Все из-за носа. Он отличался от привычных кавказских. В двадцать семь Давид получил травму. Сломал нос в двух местах. И его пришлось оперировать. Хирург был настоящим творцом. Он слепил из раздробленных костей произведение искусства. Нос, которому позавидовал бы сам Цезарь.

Таксист лихо вырлил со стоянки и погнал машину по шоссе. Давид, пока ехали, вспоминал...

Глава 2

13

Мемуары мертвого незнакомца

Он вырос в старом Тифлисе. На улочке у подножья горы Мтацминда. В итальянском, как их здесь называли, дворике. Ветхий трехэтажный дом с резными балкончиками, между которыми натянуты веревки для сушки белья, населяло несколько семей. Самой бедной была его, Давида. Мама работала продавцом в хлебном магазине, получала очень мало. Отец почти ничего в дом не приносил. Львиную долю того, что зарабатывал, воядя туристов по историческим местам города, он тратил на себя любимого. Чуть ли не каждый вечер сидел с друзьями в ресторанах. Раз в неделю посещал серную баню. Да не в общую ходил, а в номера, где сам Александр Сергеевич Пушкин мылся.

Мама вышла за него против воли родителей. Те видели, какой это сомнительный тип, и категорически запретили ей связывать с ним жизнь. А она без памяти влюбилась в красивого и умеющего пускать пыль в глаза парня и выскочила за него замуж. Тогда ей было девятнадцать. Через год в молодой семье появился ребенок. Старший брат Давида. А через девять лет детей было уже трое. Все мальчишки.

Мать в неполные тридцать выглядела на сорок с лишним, а отец как мальчик. Такой же красивый и свежий, как до женитьбы. Поэтому на него по-прежнему обращали внимание женщины. Особенно туристки. И он, как говорится, ни в чем себе не отказывал. Заводил интрижки с многими, с некоторыми вступал в длительные отношения, и они приезжали в Тбилиси регулярно. Одна из таких, москвичка, уже не юная, бездетная, отлично устроенная, так сильно влюбилась в отца Давида, что готова была принять его у себя в столице. Знала, что у него трое детей, и все равно позвала с собой, посулив многое, в том числе хорошее место. И тот сорвался! Жене и сыновьям сказал, что поехал на заработки и либо скоро вернется с мешком денег, либо перевезет семью в Москву.

О том, что он уехал туда с женщиной, матери сообщили спустя две недели. Она не поверила. За два дня до этого супруг ей звонил, говорил, что скучает по ней и сыновьям, но возвращаться не собирается, потому что уже стал зарабатывать и скоро пришлет денег.

Не стоит и говорить, что денег они так и не дождались. Как и других звонков. Отец просто пропал.

Семья осталась бы без кормильца, если бы папаша был таковым. По факту же на ее благосостоянии бегство отца никак не отразилось. Только на психике ее членов. Особенно остро предательство (а как иначе назвать отцовский поступок) переживала мама. Меньше всех Давид. Он был с отцом не особенно близок, в отличие от старшего брата, Зураба. А младшенький, Гиоргий, был слишком мал, чтобы понимать, что к чему. Когда отец бросил их, ему еще годика не исполнилось.

Соседи помогали семье, чем могли. Кто одежду отдаст, из которой дети выросли. Кто фруктов, овощей, сыра принесет, что сам вырастил и изготовил. Кто старую мебель или даже велосипед презентует. Могли бы продать это, но знали, как Ристави плохо живут. Вот и жалели...

Когда Гио исполнился год, мама вышла из декретного отпуска. Сына в ясли отдала. Гио, в отличие от крепышей братьев, родился болезненным. Перенес все младенческие хвори. А уж простужался так часто, что, казалось, дунь на него, тут же насморк начнется.

Когда малыш попал в ясли, все только ухудшилось. Мать не вылезала с больничного.

— Отправь мальчика в Кахетию к родственникам, — посоветовала ей подруга. — Горный воздух пойдет ему на пользу.

— Ни за что! — резко ответила та.

— Умерь гордыню. Не ради себя, ради сына.

— После того, как отец отрекся от меня?

— Что ты придумываешь? Не отрекался он...

— Отец сказал, если ты выйдешь замуж за этого прохвоста, ты мне больше не дочь! Как ты еще это назывешь? — кипятилась мама. — А я ведь пыталась наладить с ним отношения! Про гордыню свою забыла, когда Зура родился. Поехала с ним домой, да отец на порог меня не пустил. С мамой в саду разговаривала. Но и за это ей потом от папаши влетело. Ты не знаешь его — деспот! Всех домашних в страхе держит. Они по струнке у него ходят. Одна я посмела послушаться и сразу стала ему не дочь!

— Признай, что он был прав, повинись, и он простит.

— Нет у меня отца! — отрезала мама. — Он от меня отрекся.

Но ее подруга, тетя Карине, все же написала письмо бабушке Зуры, Давида и Гио. Объяснила ситуацию, в которой оказалась ее дочь. Женщина на послание ответила. Она была того же мнения, что и тетя Карине, и просила ее настоять на том, чтоб подруга повинилась перед отцом. Или, как она выразилась, упала ему в ноги. Зная, что этого не случится, Карине написала еще одно письмо и попросила бабушку Дато дать ей адрес кого-то из дальних родственников. Возможно, кто-то из них захочет помочь. Та